

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.7)

Научная статья

УДК 101

doi: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-21-27

НАУКА И МИФ КАК ОСНОВА ТРАНСФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

© *Екатерина Александровна Трохимчук¹, Михаил Николаевич Кочетов²*

^{1, 2}*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

^{1, 2}*eky@inbox.ru, humanwaste@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимодействия науки и мифологии в современной культуре. На основе сравнительного анализа исследований в области философии науки, социальной и культурной антропологии, а также религиоведения рассматриваются подходы к объяснению места и роли иррационального в формировании интеллектуального поля современного общества.

Ключевые слова: научное познание, мифология, квазинаучное мышление, крипторелигиозное сознание, киберидентичность.

Для цитирования: Трохимчук Е.А., Кочетов М.Н. Наука и миф как основа трансформаций современной культуры // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 97. № 2. С. 21-27. doi: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-21-27.

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.7)

Original article

Science and myth as the bases for modern culture transformations

© *Ekaterina A. Trokhimchuk¹, Mikhail N. Kochetov²*

¹*Southern federal university, Rostov-on-Don, Russian Federation*

^{1, 2}*eky@inbox.ru, humanwaste@mail.ru*

Abstract. It is considered the problem of interaction between science and mythology in modern culture. Based on a comparative analysis of research in the field of philosophy of science, social and cultural anthropology, as well as religious studies, approaches are considered to explain the place and role of the irrational in the formation of the intellectual field of modern society.

Key words: scientific knowledge, mythology, quasi-scientific thinking, crypto-religious consciousness, cyber identity.

For citation: Ekaterina A. Trokhimchuk, Mikhail N. Kochetov Science and myth as the bases for modern culture transformations. *The Humanities and Social Sciences*. 2023. Vol. 97. No 2. P. 21-27. doi: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-21-27.

Введение

Современный этап развития научного знания характеризуется тенденцией к интеграции различных направлений исследований – растущим взаимодействием между естественными и техническими дисциплинами, естественными и гуманитарными науками – формированием междисциплинарных и трансдисциплинарных подходов в научной деятельности, ориентацией на «открытый» тип рациональности и синергетическую парадигму.

Результатом синтеза научного знания становится гипотетическая картина процесса самоорганизации материи от Большого Взрыва до современного этапа, на котором материя с присущим ей разумом осуществляет самопознание и целенаправленное развитие. Однако одновременно с естественно-научной картиной мира растущую популярность в современной культуре получают альтернативные способы осмысления действительности – квазинаучные теории и неомифологические концепции.

Основываясь на ассимиляции понятийного аппарата и ряда концепции науки и философии, данные теории сочетают элементы логико-доказательного, рационально-теоретического познания и иррационально-мистического, мифологического мировосприятия и тем самым формируют альтернативный способ мышления и образ реальности. В какой области следует искать объяснения данным тенденциям, и в чём может быть причина подобного взаимопересечения современной науки и современной мифологии – вопрос дискуссионный.

Обсуждение

Обращаясь к данной теме ещё в XX в. П. Фейерабенд отмечал, что «наука гораздо ближе к мифу, чем готова допустить философия науки...» и последовательно рассматривал пункты их сближения ссылаясь на многочисленные исследования этнографов и культурантропологов [8]. Взаимосвязь техногенной цивилизации и иррационального мышления отмечают также и многие западные исследователи современного общества, например Э. Дэвис [1]. Рефлексия на проблему соотношения научного познания, мифологии и религии обнаруживается и в исследованиях по истории религии, где одним из первых к осмыслению взаимосвязи рационального и иррационального в культуре обратился американский философ и религиовед М. Элиаде. Рассмотрение обозначенных подходов позволяет по-новому очертить специфику взаимоотношений научного и мифологического компонентов мышления, а также выявить значимые социокультурные тенденции современности.

Обращаясь к проблемам методологии научного познания работе 1975 г. «Против метода. Очерк анархистской теории познания», П. Фейерабенд высказывает достаточно радикальные суждения относительно возможности философского описания феномена науки и затрагивает проблему соотношения научного и ненаучного знания, в особенности – знания мифологического.

П. Фейерабенд подвергает критике большинство предшествующих теорий соотношения науки и мифа¹, и анализируя статью антрополога Р. Гортон, посвященную африканской мифологии, демонстрирует сходство, лежащее в их основе: «...и наука, и миф надстраивают над здравым смыслом теоретическую суперструктуру» [8]. Построение подобной структуры, на определенном этапе развития, предполагает разрушение объектов здравого смысла и объединение их элементов иным способом.

Так, центральные идеи мифа считаются священными, и об их безопасности заботятся. Те же характеристики оказываются присущи и науке, подчеркивает П. Фейерабенд, где несмотря на классические представления о научной деятельности как открытой системе, критика фундаментальных положений вызывает такую же реакцию как «табу» в примитивных обществах: «...фундаментальные верования защищаются с помощью этой реакции, а также с помощью вторичных усовершенствований, и все то, что не охватывается обоснованной категориальной системой или считается несовместимым с ней, либо рассматривается как нечто совершенно неприемлемое, либо – что бывает чаще – просто объявляется несуществующим...» [8].

Размышляя на тему догматизма и некритичности самого научного знания, П. Фейерабенд приводит в пример «коперниканскую» систему знания, а также обращает внимание на то, что образ науки в XX в. представлен элементами «чудесных» достижений (цветной телевизор, фотографии Луны, печи, работающие на инфракрасных лучах), знание о происхождении которых в сознании простых людей оказывается весьма смутным. Таким образом, общим основанием науки и мифа становится в том числе и элемент веры, некритичное мышление [8].

П. Фейерабенд подвергает критике научное знание за отсутствие действительного теоретического плюрализма и насильственную экспансию европейской системы ценностей и знания в неевропейские культуры. Размышления о характере знания в так называемых «примитивных» обществах² приводят П. Фейерабенда к выводу о необходимости серьезного пересмотра отношения к мифу, религии, магии в современном обществе и научном познании.

¹Критически оценивает идеи Э. Кассирера, Б. Малиновского, Дардела и Франкфорта.

²Традиционные культуры, по мнению П. Фейерабенда, зачастую обнаруживают гораздо более глубокое проникновение в природу познания, нежели их «просвещенные» философские соперники.

Подлинной целью познания должно стать понимание и преобразование физического мира с учетом всех возможных идей и методов, а основанием общества будущего, по мнению автора, должна стать возможность самостоятельно формировать способ мышления, образ мира и практику повседневной жизни, опираясь на многообразие познавательных систем (в том числе – мифологических, религиозных и магических).

Безусловно, теоретические построения эпистемологического анархизма П. Фейерабенда не лишены серьёзных недостатков, однако же позволяют осмыслить взаимопересечение мифологии и науки в современном мире с позиции единства человеческого знания в его различных формах, как идеологической и мировоззренческой системы.

Наука и ее истины никогда не могут быть полностью отделены от мифа – данную мысль развивает современный американский культурантрополог и философ Э. Дэвис в работе «Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху». Цитируя французского историка науки Мишеля Сёра, утверждавшего, что «единственным мифом была бы идея науки, избавленной от всех мифов» Э. Дэвис обращается к теме укорененности иррационального в культуре современного техногенного общества, рассматривает исторические предпосылки переплетения научного и мифического. Продвигаясь от эпохи к эпохе, от мифа к мифу, от одного научного открытия к другому, Э. Дэвис демонстрирует как древнейшие фантазии, образы и интуиции, лежащие в пределах мифологического мировосприятия, предвосхитили многие современные научные и технические достижения (способность перемещаться по воздуху, общаться на больших расстояниях и пр.), и каким образом современные условия жизни возвращают представителя техногенной цивилизации к первобытному мышлению и переживанию мира [1].

Ссылаясь на ряд исследований современных антропологов, Э. Дэвис в русле уже рассмотренных идей П. Фейерабенда размышляет о «множественном устройстве реальности» – единовременном присутствии в культуре различных полей знания и опыта, которые оформляют различные картины мира и основания социального взаимодействия.

Основными подобными формами организации человеческого бытия выступают два поля. Первое – основано на принципе причинной связи и порождает прагматический рационализм науки. Здесь присутствует разделенное в себе эго индивидуума, которое ориентировано на картину мира, построенную в соответствии с объективными объяснительными схемами, (нейтралитет в теории и инструментализм на практике). Второе – на принципе соучастия, в котором личность погружается в «коллективное море», растворяя границу между человеческими усилиями и окружающей средой. В таком мире, пишет Э. Дэвис, не существует разделения как основания объективности и оценки, отсутствуют сухие и объективные классификации. Реальность осмысливается как единый непрерывный процесс становления, а объекты в этом потоке организуются по символическим соответствиям, который связывается «с магической парадигмой, языком и ритуалом» [1].

Данные типы ориентации представлены в различных пропорциях, во всех культурах и обществах, отмечает исследователь. Так, мир соучастия характерен для архаических, дописьменных культур. Представители современной культуры описывают мир используя научно-техническую логику и причинно-следственные связи. Однако, отмечает Э. Дэвис, «хотя наша космология научна, наша культура и коллективные ритуалы такими не являются» [1].

Современная технологичная цивилизация в действительности содержит разные формы соучастия – массовые спортивные игры, поп-музыка, сетевые видеоигры, различные модные тенденции. А медиатехнологии существенным образом усиливают коллективный резонанс, формируя единое общество соучастия, в котором переплетаются основания мифа, науки и религиозного мировосприятия.

Исследуя основания современной информационной культуры, Э. Дэвис обращает внимание на то что современные субкультуры (рокеры, хиппи, панки, скинхеды, футбольные команды, рэперы, рейверы и т.п.) с точки зрения антропологических характеристик представляют собой новые племенные союзы, средствами идентификации которых становятся уни-

кальные ритуалы, комбинирующие сленг, музыку, язык тела и тайные знаки (готический пирсинг, африканские украшения, татуировки и др.), что позволяет данным сообществам противостоять тенденциям диффузности жизни современной культуры.

Современный трайбализм существует также на уровне «медиа-племен» виртуальной среды, представленных хакерами, диджейскими коллективами, радиопиратами и пр. Эпические продукты киноиндустрии (цикл фильмов о Гарри Поттере, Хроники Нарнии, Властелин Колец и др.) функционируют в качестве современной мифологии, порождая сообщества поклонников и постмодернистские костюмированные карнавалы.

Вокруг различных направлений современной трансовой музыки складываются всевозможные экстатические культы, воспроизводящие схемы шаманских камланий и способствующие вовлечению своих адептов в единое пространство социальной коммуникации и конструирование новых моделей мира и самоидентификации.

Современное киберпространство глобальной информационной культуры также становится гипертерриторией цифровой коммуникации, порождая универсальную киберидентичность функционирующую на основе мифологически унифицированных принципов виртуальной реальности, компьютерных игр, единообразия всплывающих рекламных блоков.

Миф проникает не только в структуры отдельных социальных групп, но как уже отмечалось, и в систему научного знания, в котором осуществляется трансформация соотношения рационально-теоретического, предметно-практического и иррационально-мистического, и суеверно-магического. Встраивание мифологических компонентов сознания в функциональное поле научного знания конструирует так называемую квазинаучную мифологию, которая благодаря современным средствам массовой информации и коммуникации приобретает статус глобального культурного явления.

Современная квазинаучная мифология как особый способ духовного освоения мира, основывается на синкретичном сочетании элементов науки и мифа. Характерными чертами этого явления становятся диффузия субъект-объектных принципов познавательной деятельности, стирание различия между границами знания человека о мире и реальными объективными характеристиками действительности, онтологизация творческого воображения субъекта [3].

Данные тенденции оказываются спровоцированы, с одной стороны, траекторией исторического развития самой системы научного знания, в которой многие явления биологической и социальной реальности получают объяснения лишь по мере совершенствования методов, средств и целей познания. С другой стороны, при активном содействии средств массовой информации осуществляется процесс подмены научного объяснения происхождения войн, аварий, экономических кризисов и народных волнений воздействием сверхъестественных сил и паранормальных явлений – положением звезд и планет, предсказаниями ясновидящих¹.

Средства массовой информации транслируют циклы передач, в которых нередко участвуют представители научно-исследовательских структур, имеющие научные степени и звания, приводятся физические обоснования сверхъестественного. Широкое распространение получает литература, претендующая на научное объяснение возможности чуда.

Обобщая тенденции взаимопересечения науки и мифа в современной культуре, Э. Дэвис отмечает, что эпоха странных погодных явлений, клонированных овец, марсианских камней, квантовых компьютеров, трансплантатов, астероидов, угрожающих планете, нанотехнологий и глобального электронного пространства настоятельно требует и формирует новый единый смысловой контекст культуры, основу которого составляет квазинаучное мировосприятие, опирающееся на основные компоненты мифологического мышления [2] (символизация, апелляция к абсолютному авторитету, чуду, тайне).

Рефлексия на проблему соотношения научного познания, мифологии и религии обнаруживается так же, и в исследованиях религии, где одним из первых к осмыслению взаимосвязи рационального и иррационального в культуре обратился американский философ и религиовед М. Элиаде.

¹Передачи с участием народных целителей и обладателей экстрасенсорных способностей, а также целые каналы, посвященные паранормальным явлениям и внеземным цивилизациям, получают самые высокие рейтинги.

М. Элиаде в своих работах проводит параллель между активным развитием материалистической идеологии и возрастанием интереса к архаическим культурам, восточным религиям и мистицизму в XX в., и отмечает, что общей основой данных явлений выступает единство самой человеческой природы.

Формирование понятий и развитие представлений о материи, пространстве, времени, космосе, потребность проникнуть во внутренние структуры природного мира и расшифровать их, достичь пределов и начала видимой вселенной, так же, как и понятия «дух», «душа», «божественное начало» – свидетельствует о свойственной человечеству транс-исторической «ностальгии по первородному», стремлении к поиску и построению универсальной матрицы бытия, истоки которого зачастую обнаруживаются в трансцендентном. В этом смысле свойственная в XIX–XX вв. «горячая вера в науку, научное образование, в достижение техники и промышленности сродни...» религиозному чувству (в качестве универсальной антропологической характеристики), составляющему основу как архаических, так и современных культур [9, с. 65].

М. Элиаде демонстрирует, что современный человек будучи результатом поступательного развития человеческого рода – *homo religiosus*, как он его определяет (основу существования которого составляет религиозное мировосприятие), воплощает в своем мировосприятии «в снятом виде» многие онтологические установки *homo religiosus*. М. Элиаде подчёркивает, что абсолютно безрелигиозного человека не существует, и в современном обмирщенном, секуляризованном мировосприятии на уровне бессознательного содержатся основные бытийные установки *homo religiosus*, которые определяют крипторелигиозное (т.е. скрытое религиозное) содержание современной культуры [9, с. 73].

Так, исследователь отмечает, что в рамках какой бы парадигмы не развивалось осмысление человеком окружающей действительности, так или иначе основным моментом этого осмысления оказывается попытка отыскать истоки бытия и человека. И если в мифологии и религии эти истоки объясняются с точки зрения наличия некоего божества или абсолюта как исходного элемента, дающего толчок существованию Вселенной, в ранних философских поисках уделяется внимание вопросу о наличии первоэлемента, то также и научное мировоззрение на протяжении всей своей истории занято поиском ответов на вопрос о происхождении того или иного объекта окружающего мира, т.е. о его истоке или начале.

С точки зрения индивидуального мирского бытия, М. Элиаде рассматривает характерные для современной культуры празднования по случаю Нового Года, бракосочетания, рождения ребенка, получения новой должности, выхода на новую ступень социальной иерархии или переезд в новый дом. Все это, доказывает М. Элиаде, в своей основе содержит идею архаических ритуалов обновления, имеющих своей целью пересотворить Вселенную, создать новый, а значит сильный и целостный, насыщенный жизнью мир – мир, освященный богами, жизнь в котором будет благополучной и безопасной. И тем самым в скрытом виде позволяет реализовать «ностальгию по истокам».

Однако криптомифологические элементы способны лишь отчасти реализовать онтологическую потребность человека в целостном и осмысленном бытии. Утратив религиозные смыслы, способные возвести человека к всеобщему содержанию мира, криптомифология сохранила только частные внешние проявления.

Выводы

Подводя итог рассмотренным концепциям, можно сделать вывод о единовременном присутствии в современной культуре различных полей знания и опыта, представленных как системой научного знания и различной мифологией в отдельности, так и взаимопресечением науки и мифа.

Причины взаимодействия качественно разных форм конструирования картины мира могут быть поняты из принципов построения научного знания (П. Фейерабенд), а также на основе анализа тенденций развития самой европейской культуры (М. Элиаде, Э. Дэвис).

Так, классическое европейское «причинное» мировоззрение является продуктом развития науки и технологии (в особенности алфавитно-цифрового письма, книгопечатания и перспективной живописи эпохи Возрождения). Однако дальнейшее развитие научного знания и распространение медиатехнологии (фонограф, радио и телевидение) вытесняет прежнюю парадигму грамотности и логичности, место которой занимает ориентация на зрительные образы, воспроизведение звука и одновременное участие многих в одном и том же событии [1].

Трансформации, осуществляемые в повседневной практике современной культуры, стирают логический, линейный и последовательный взгляд на мир, преобладающий в западной культуре. Ему на смену приходит «резонирующий мир, близкий к старой племенной комнате шепотов» мир, в котором вновь находится место для магии и мифа [1].

Однако современные мифы отличны от традиционных, основу научных исследований которых заложили Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, Э. Дюркгейм, М. Мосс, Б. Малиновский.

Мифология современной городской культуры существует в форме новых мифов, задача которых не столько в том, чтобы актуализировать имеющиеся историко-культурные сюжеты, сколько в конструировании новых образов мира, сюжетов, ценностей, целей и моделей поведения, способных объединять на различных основаниях индивидуализированных субъектов глобального пространства.

Мифические конструкты современности, сохраняя главные признаки мифологического мышления, задают иную траекторию осмысления действительности. Ценностно-смысловое содержание современных мифов осуществляет процесс объяснения ситуации «от общего через отдельное к частному». Направляют сознание от рационалистических направлений философской мысли к иррационалистическим. Достижения науки смещаются в сторону околонаучного поля, которое в свою очередь ищет поддержки со стороны компонентов религиозных форм сознания [7].

Список источников

1. Дэвис Э. Техногнозис. Миф, магия и мистицизм в информационную эпоху / Пер. с англ. М., 2008. С. 480. – URL: https://royallib.com/read/devis_erik/tehnognozis_mif_magiya_i_mistitsizm_v_informatsionnyu_epohu.html#6674 (дата обращения 12.05.2019).
2. Косов А.В. «Мифосознание: функции и механизмы». Аналитика культурологии. 2008. – URL: <http://analiculturolog.ru/index.php?module=subjects&func=listssubjects> (дата обращения 12.05.2019).
3. Мелетинский Е.В. Миф и XX век // Избранные статьи. Воспоминания. М., 1998. 576 с.
4. Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / Пер. с англ. М.: Кучково Поле, 2007. 464 с.
5. Найдыш В.М. Философия мифологии. XIX – начало XXI в. М.: Альфа-М, 2004. 544 с.
6. Осаченко Ю.С. Миф сегодня: специфика социо-культурной ремифологизации // Введение в философию мифа. М.: Интерпракс, 1994. 173 с.
7. Douglas W.W. The Meanings of “Myth” in Modern Criticism // Modern Philology. 1953. Volume 50. Number 4 May. – URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/388967> (дата обращения 28.05.2019).
8. Фейерабенд П. Против методологического принуждения. Ч. 3. Наука – миф современности 18 // Избранные труды по методологии науки / Пер. с англ. и нем. А.Л. Никифорова. М., 1986. – URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4745/4777> (дата обращения 28.05.2019).
9. Элиаде М. Ностальгия по истокам / Пер. с франц. М.: ИОИ, 2006, 215 с.

References

1. *Davis E.* Technognosis. Myth, magic and mysticism in the information age / Trans. from English. M., 2008. P. 480. – URL: https://royallib.com/read/devis_erik/tehnognozis_mif_magiya_i_mistitsizm_v_informatsionnyu_epohu.html#6674 (accessed 12.05.2019).
2. *Kosov A.V.* "Mythological consciousness: functions and mechanisms". analytics of cultural studies. 2008. – URL: <http://analiculturolog.ru/index.php?module=subjects&func=listsubjects> (accessed 12.05.2019).
3. *Meletinsky E.V.* Myth and the XX century // Selected Articles. Memories. M., 1998. 576 p.
4. *McLuhan M.* Understanding Media: external human extensions / Trans. from English. M.: Kuchkovo Pole, 2007. 464 p.
5. *Naidysh V.M.* Philosophy of mythology. XIX - beginning of the XXI century. M.: Alfa-M, 2004. 544 p.
6. *Osachenko Yu.S.* Myth today: specificity of socio-cultural remythologization // Introduction to the Philosophy of Myth. M.: Interpraks, 1994. 173 p.
7. *Douglas W.W.* The Meanings of “myth” in modern criticism // Modern Philology. 1953. Volume 50. Number 4 May. – URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/388967> (accessed 28.05. 2019).
8. *Feyerabend P.* Against methodological coercion. Part 3. Science – the myth of modernity 18 // Selected works on the methodology of science / Trans. from English and German A.L. Nikiforov. M., 1986. – URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4745/4777> (accessed 28.05.2019).
9. *Eliade M.* Nostalgia for origins / Trans. from French M.: IOI, 2006, 215 p.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 26.02.2023; принята к публикации 05.03.2023.

The article was submitted 15.02.2023; approved after reviewing 26.02.2023; accepted for publication 05.03.2023.